

DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-544-566

EDN: ODRFDE

УДК 811.161.1'276.5-057.87:578.834.1

Научная статья / Research article

Самоизоляция в период пандемии COVID-19: обыденный дискурс о новом социальном феномене в среде студенческой молодежи

И.А. Новикова¹ , А.Л. Новиков¹ , М.Е. Сачкова² ,
Н.В. Дворянчиков³ , Е.Б. Березина⁴ , И.Б. Бовина³

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

³Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва,
Российская Федерация

⁴Университет Санвея, Санвей, Малайзия

 novikova-ia@rudn.ru

Аннотация. Пандемия COVID-19 явилась первым опытом для большей части населения планеты, когда появилось новое заболевание, быстро распространившееся по континентам, представляющее глобальную угрозу, которой противопоставляются беспрецедентные меры полной самоизоляции. Изучение особенностей повседневного дискурса студенческой молодежи об этом новом социальном явлении оказывается в фокусе данного исследования, реализованного в рамках теории социальных представлений. Исследование проводилось в два временных промежутка, соответствующих двум «волнам» пандемии COVID-19 в России («первая волна» — с 18 июня по 10 июля 2020 г., «вторая волна» — с 12 октября по 18 ноября 2020 г.). В исследовании принимали студенты российских вузов в возрасте от 17 до 27 лет (275 человек, 9,5 % мужчин). Основной метод исследования — опрос в варианте онлайн анкетирования; основной инструмент — методика свободных ассоциаций. Сравнение структуры и содержания социальных представлений о новом социальном явлении (самоизоляции) на разных этапах пандемии в среде студенческой молодежи позволило зафиксировать их зарождение и динамику: оппозиция между добровольностью и принуждением была характерна для обыденного понимания самоизоляции в самом начале пандемии, далее ключевыми оказываются психологические переживания, ассоциированные с пандемией и вызванной ею самоизоляцией, которая, в целом, понимается студентами как поиск «плюсов» в ситуации вынужденных ограничений.

© Новикова И.А., Новиков А.Л., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В., Березина Е.Б.,
Бовина И.Б., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: пандемия COVID-19, самоизоляция, теория социальных представлений, гипотетическая структура социальных представлений, обыденный дискурс, студенческая молодежь

Финансирование. Благодарности:

Статья подготовлена в рамках проекта No 050738-0-000 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

История статьи:

Дата поступления: 01.02.2024

Дата приема в печать: 15.02.2024

Для цитирования:

Новикова И.А., Новиков А.Л., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В., Березина Е.Б., Бовина И.Б. Самоизоляция в период пандемии COVID-19: обыденный дискурс о новом социальном феномене в среде студенческой молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2024. Т. 15. № 2. С. 544–566. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-544-566>

Self-Isolation during the COVID-19 Pandemics: Everyday Discourse on a New Social Phenomenon among University Students

Irina A. Novikova¹ , Alexey L. Novikov¹ , Marianna E. Sachkova² ,
Nikolay V. Dvoryanchikov³ , Elizaveta B. Berezina⁴ , Inna B. Bovina³

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Russian Presidential Academy of National Economy & Public Administration, Moscow, Russian Federation

³Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation

⁴Sunway University, Sunway, Malaysia

 novikova-ia@pfur.ru

Abstract. The COVID-19 pandemic was the first experience for the largest part of the world's population of a new disease that spread rapidly across continents, a global threat to which unprecedented restrictive measures were elaborated. The purpose of the study was to analyse the everyday discourse on self-isolation among student youth based on the Theory of Social Representations. The study was conducted in two time periods corresponding to two “waves” of the COVID-19 pandemic in Russia (“first wave”: from 18, June to 10, July, 2020, and “second wave”: from 12, October to 18, November, 2020). The sample included 275 Russian university students (9.5 % male) aged 17 to 27 years. The main tool to reveal the social representations was free associations technique. The survey was conducted in online format via Google-forms. Comparison of the structure and content of social representations on self-isolation as a new social phenomenon at different stages of the pandemic made it possible to reveal their emergence and dynamics among student youth: (1) the opposition between voluntariness and coercion was characteristic of the everyday understanding of self-isolation at the very beginning of the pandemic, and (2) psychological experiences associated with the pandemic and the self-isolation caused by it turn out to be key further. In general, research findings show that self-isolation is understood by university students as a search for “pluses” in a situation of forced restrictions.

Keywords: Pandemic, COVID-19, self-isolation, social representations theory, structure of social representation, everyday discourse, university students

Financing. Acknowledgements:

This publication has been prepared with the support of research project No. 050738–0–000 of the Grant Support System for scientific projects of the RUDN University

Article history:

Received: 01.02.2024

Accepted: 15.02.2024

For citation:

Novikova, I.A., Novikov, A.L., Sachkova, M.E., Dvoryanchikov, N.V., Berezina, E.B. & Bovina, I.B. (2024). Self-Isolation during the COVID-19 Pandemics: Everyday Discourse on a New Social Phenomenon among University Students. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 15(2), 544–566. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2024-15-2-544-566>

Введение

Инфекционные заболевания всегда являли собой чрезвычайно серьезную угрозу человечеству [1], история которого может быть написана через призму борьбы общества с различными болезнями и улучшением качества жизни людей [2]. В разные эпохи возникали новые болезни, олицетворяя собой вызов обществу, которое стремилось различными путями противостоять эпидемиям.

Прогресс медицинского знания к началу 80-х гг. XX в., несомненно, послужил основанием для оптимизма относительно того, что инфекционные болезни стали фактом истории и больше не угрожают человечеству [3]. Однако возникновение и широкое распространение ВИЧ-инфекции в последние десятилетия XX в., указала на преждевременность таких заключений, а недавняя пандемия COVID-19 убедительно продемонстрировала, что, несмотря на достижения медицинского знания и прогресс соответствующих технологий, которые позволяют «сказку сделать былью» [4], инфекционные болезни по-прежнему не становятся фактом истории, но продолжают оставаться серьезной угрозой.

Официально первые случаи COVID-19 были зарегистрированы в Китае в декабре 2019 г. Быстрое распространение заболевания по планете привело к возникновению чрезвычайной ситуации, на что указывалось в коммуникациях ВОЗ в конце января 2020 г. Глобальный характер угрозы был квалифицирован ВОЗ как пандемия только 11 марта 2020 г.¹ Новый опыт борьбы человечества против инфекционной угрозы продлился чуть более трех лет, 5 мая 2023 г. пандемия официально закончилась². Вслед за офи-

¹ Хронология действий ВОЗ по борьбе с коронавирусной инфекцией. Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/detail/29-06-2020-covidtimeline> (дата обращения: 26.02.2024).

² Итоговое заявление о работе пятнадцатого совещания Комитета Международных медико-санитарных правил (2005 г.) по чрезвычайной ситуации в связи с пандемией ко-

циальным объявлением пандемии во многих странах мира были введены чрезвычайные меры, направленные на снижение распространения заболевания. По рекомендации Всемирной организации здравоохранения в России, как и в других странах мира, был введен режим самоизоляции для всех граждан из-за угрозы распространения COVID-19³. Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 99-ФЗ внесены изменения в КоАП, согласно которым установлена административная ответственность за нарушение карантина и режима самоизоляции⁴.

Для большей части населения планеты пандемия COVID-19 явила собой первый подобный опыт (сравнимый разве, что со средневековыми пандемиями чумы): возникает новое заболевание, которое чрезвычайно быстро преодолевает границы, распространяясь по континентам. При этом, несмотря на прогресс медицинского знания (в отличие от средневековья), человечеству в первое время нечего противопоставить этой угрозе, в качестве меры противодействия, кроме режима полной самоизоляции, который вводится во многих странах мира. Конечно, в начале XXI в. в разных частях планеты имели место локальные вспышки инфекционных заболеваний (так же как и COVID-19 передаваемых воздушно-капельным путем): атипичная пневмония (SARS), свиной грипп (H1N1), птичий грипп (H5N1), ближневосточный респираторный синдром (MERS-CoV). Имея различную контагиозность и летальность (от 0,2 % — в случае свиного гриппа до 60 % — в случае птичьего гриппа), они, однако, не приобрели формы пандемии, охватившей страны и континенты, как это стало в случае COVID-19.

Сразу же после ее начала сама пандемия и ассоциированные с ней феномены оказались в фокусе внимания исследователей, представляющих различные научные дисциплины: от эпидемиологии и вирусологии до психологии, социологии, новейшей истории и, конечно, лингвистики. Не случайно, начиная с 2020 г. создаются специализированные словари «пандемийной лексики» разных языков мира [5]. Например, «Словарь русского языка коронавирусной эпохи» включает около 3500 слов, появившихся или

ронавирусной инфекции (COVID-19). Режим доступа: [https://www.who.int/ru/news/item/05-05-2023-statement-on-the-fifteenth-meeting-of-the-international-health-regulations-\(2005\)-emergency-committee-regarding-the-coronavirus-disease-\(covid-19\)-pandemic](https://www.who.int/ru/news/item/05-05-2023-statement-on-the-fifteenth-meeting-of-the-international-health-regulations-(2005)-emergency-committee-regarding-the-coronavirus-disease-(covid-19)-pandemic) (дата обращения: 26.02.2024).

³ Указ «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63134> (дата обращения: 26.02.2024).

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 01.04.2020 № 99-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_349081/ (дата обращения: 26.02.2024).

актуализированных в русском языке в 2020–2021 гг.⁵ Составители словаря пишут во Введении: «Языковая ситуация, вызванная пандемией, — редкий случай в истории русского языка, когда за очень короткий период появившееся огромное количество новых слов и изменившееся употребление слов, уже имеющихся в языке, активизировавшиеся словообразовательные модели, те или иные активные формулы языковой игры позволяют запечатлеть момент языкового развития в его очень концентрированной форме»⁶. Описывая уникальность сложившейся ситуации, известный филолог Т.Б. Радбиль называет язык «великим диагностом», который не только фиксирует изменения в картине мира человека, но иногда «вытаскивает на поверхность» то, о чем люди на сознательном уровне даже не подозревают [6]. Следовательно, на наш взгляд, в данном случае необходим междисциплинарный анализ «пандемийной лексики» с привлечением ресурсов социо- и психолингвистики, которые используют потенциал социально-психологических теорий.

Обращаясь к социально-психологической рамке рассмотрения пандемии COVID-19 и ассоциированных с ней феноменов, подчеркнем особо, что две социально-психологические теории имеют наибольший потенциал для подобного анализа — теория социальной идентичности Г. Тэшфела [7] и теория социальных представлений С. Московиси [8].

Теория социальной идентичности, сформулированная Г. Тэшфелом [7], будучи приложимой к проблемам здоровья и болезни, постулирует, что здоровье определяется как группами, к которым принадлежит человек, так и тем, насколько эти групповые идентичности интегрированы в его Я-концепцию [9]. В этой логике сформулирован особый подход к здоровью и болезни, так называемые исследования «социального лечения» [9; 10], демонстрирующие то, как принадлежность к группам помогает человеку справиться с угрозами здоровью (депрессия, расстройство пищевого поведения, стресс, хронические болезни). Этот подход продемонстрировал свой потенциал и востребованность для объяснения того, как люди реагируют на глобальную угрозу в случае пандемии COVID-19, как адаптируются к изменениям, ассоциированным с ней [11]. Подчеркнем, что пандемия обернулась необходимостью всеобщей изоляции и сведения к минимуму социальных контактов, дистанцирования от других в публичном пространстве, модификацией общения, ведения повседневной жизни.

Теория социальных представлений (СП) С. Московиси подходит к здоровью и болезни с иной точки зрения. В фокусе внимания теории оказываются обыденные представления о здоровье и болезни, то, как люди

⁵ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / М.Н. Приемышева (отв. ред.). СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021.

⁶ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / М.Н. Приемышева (отв. ред.). СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. С. 6.

выстраивают в повседневной коммуникации понимание того или иного явления, связанного со здоровьем и болезнью, как эти представления регулируют поведение и социальные отношения индивидов [12]. СП являются собой процессы создания смыслов, с их помощью социальные группы интерпретируют новые события (катастрофы, заболевания) [13].

Анализ публикаций по теории СП [14], демонстрирует, что проблематика здоровья и болезни оказывается в центре внимания исследователей: причем еще на заре зарождения теории были реализованы классические исследования, авторы которых обратились к проблемам здоровья и болезни в широком смысле. Речь идет классических работах С. Московиси [8], К. Эрзлиш [15], Д. Жоделе [16]. В настоящее время теория СП имеет солидный потенциал для изучения этого предметного поля, поэтому именно в рамках этой теории предлагается предпринять осмысление пандемии COVID-19.

Итак, в начале пандемии человечество оказалось в беспрецедентной ситуации: внезапно возникает серьезная угроза не только здоровью, но жизни, речь идет о глобальной угрозе, по экспоненте растет количество новых случаев заражения, а также число новых жертв. Медицинского знания на тот момент не хватает для того, чтобы объяснить возникновение этой угрозы, а также предложить стратегию лечения и профилактики (здесь только еще раз можно провести параллель с ситуациями средневековых пандемий чумы, о чем говорилось выше). Более того, после принятия соответствующих решений о введении чрезвычайных мер люди столкнулись с новой ситуацией — в действие вступили меры полной самоизоляции⁷.

Очевидно, что подобная ситуация сопряжена с циркулированием значительного количества противоречивой информации. С одной стороны, свои догадки строят и проверяют представители научного сообщества, и эти гипотезы так или иначе представлены в публичном пространстве (стоит вспомнить разнообразные передачи на различных площадках СМК в начале пандемии). С другой — своими объяснениями делятся в социальных сетях, на самых разнообразных сайтах так называемые *наивные ученые*, или словами С. Московиси: «пресловутые ученые с улицы» [12]. Именно Интернет оказался тем самым ресурсом, где вырабатывались наивные теории о ковиде и о сопряженных феноменах (будь то пандемия или самоизоляция). Траектория обсуждения нового феномена в публичной сфере соответствует феномену «снежного кома»: чем больше что-то обсуждается — тем более важным оно становится, как следствие — размах обсуждений становится еще больше [17]. В подтверждении еще раз

⁷ ВОЗ. Обновленная стратегия борьбы с COVID-19. Режим доступа: https://www.who.int/docs/default-source/coronaviruse/covid19-strategy-update-2020-ru.pdf?sfvrsn=29da3ba0_19 (дата обращения: 26.02.2024).

процитируем создателей «Словаря русского языка коронавирусной эпохи»: «Такой языковой карнавал, такой лингвистический «пир», который происходил на страницах СМИ и Интернета во время «чумы XXI века», как лингвопсихологическая реакция на пандемию коронавирусной инфекции COVID-19 и особенно — на карантин и самоизоляцию, обусловленные ею, безусловно, заслужил самостоятельного, целенаправленного и обобщенного анализа»⁸.

Будучи формой здравого смысла, СП вырабатываются людьми в повседневной коммуникации, чтобы придать смысл различным объектам, явлениям, событиям и т.д., которые являются странными, неизвестными или угрожающими: Вовлеченность в коммуникацию на различных уровнях позволяет выработать объяснение новому, непонятному, угрожающему явлению, поместить его в систему имеющихся категорий, приручить его, сделать неизвестное известным [12]. СП обладают определенной полезностью для регулирования социального поведения и оправдания социальных отношений, а также для построения и поддержки социальной идентичности [8; 18–20].

Формирование СП сопряжено с действием двух социокогнитивных процессов [20]: 1) посредством якорения (или анкеровки) странные идеи сводятся к обычным категориям и образам, помещаются в имеющуюся у индивида систему координат (этот процесс осуществляется посредством классификации и названия); 2) посредством объективации нечто абстрактное становится конкретным, это своего рода перенос того, что имеется в нашем сознании, на то, что существует в физическом мире (этот процесс осуществляется с помощью схематизации и персонификации).

Как отмечалось выше, в рамках теории СП было реализовано значительное количество исследований проблем здоровья и болезни [8; 15; 16], сама теория обладает существенным потенциалом для изучения пандемии и сопряженных с ней феноменов [1]. В рамках этой теории уже были выполнены многочисленные исследования, посвященные СП о COVID-19, с использованием различных методологических стратегий, обращаясь к различным культурным контекстам, путем сравнения ряда социальных групп (будь то возрастные или профессиональные), фокусируясь на анализе традиционных СМИ или новых социальных медиа [13; 21–30]. Обобщая результаты исследований СП о разных аспектах пандемии COVID-19, можно отметить, что логика формирования соотносится с логикой формирования СП об инфекционных заболеваниях [1; 13].

Примечательно, что *самоизоляция* как объект СП редко оказывалась в фокусе внимания исследователей [31; 32], хотя, очевидно, что режим самоизоляции — это новое социальное явление, столкновение с этим явлением

⁸ Словарь русского языка коронавирусной эпохи / М.Н. Приемышева (отв. ред.). СПб.: Ин-т лингв. исслед. РАН, 2021. С. 6.

(или лучше сказать — вторжение этого явления в повседневную жизнь людей), с неизбежностью, привело к резким изменениям в повседневной жизни. Очевидно, что в отношении этого нового социального объекта вырабатывалось СП. Другими словами, этот объект СП обладает новизной и предоставляет редкую возможность исследования формирования СП (один из моментов динамики СП [33]), что потенциально вписывается в перспективу изучения динамики СП.

В то же время подробному когнитивно-дискурсивному анализу слова *самоизоляция* как новейшего русского культурного концепта посвящено исследование Т.Б. Радбиля, выполненное в 2020 г. С использованием ряда лексикографических источников и источников текстового материала, в том числе НКРЯ⁹, автор выделяет два базовых типа употребления слова *самоизоляция*, которые «реализуются в русской речевой практике уже в «советский» период с 30-х по 80-е гг. XX в.»:

- 1) **индивидуально-личностный** (самоизоляция личности, которая возможна в двух аспектах: физическая и внутренняя (психологическая) самоизоляция индивида;
- 2) **социально-политический** (когда речь идет о политике изоляционизма со стороны государственного, политического или социального образования [6. С. 764].

Автор подчеркивает, что по данным НКРЯ до 2020 г. доминирующим было «политическое» значение / употребление слова *самоизоляция* как термина политического дискурса. На основе проведенного анализа примеров, в которые входит лексема *самоизоляция* в текстах периода пандемии в 2020 г., был сделан вывод об имплицитном смысловом расхождении между «официальным», декларируемым социально-политическим содержанием и естественно-языковым представлением в контекстах обыденного употребления слова. В работе показано, что в таких выражениях, как *режим самоизоляции*, *индекс самоизоляции*, *отправить на самоизоляцию*, *принудительная самоизоляция* и др., элиминируется обязательная импликация добровольности данной ситуации, имеющаяся в естественно-языковом представлении слова *самоизоляция* и заложенная в его первоначальном значении в русском языке [6]. Интересным дополнением к проведенному Т.Б. Радбилем анализу может служить график распределения результатов поиска лексем *самоизоляция* в Основном корпусе НКРЯ с 1920 по 2022 гг. (см. рис.).

На рисунке наглядно представлен «всплеск» частоты употребления слова *самоизоляция* в 2020 г. и резкое падение частоты в 2021–2022 гг., когда строгие карантинные ограничения начали смягчаться.

⁹ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 26.02.2024).

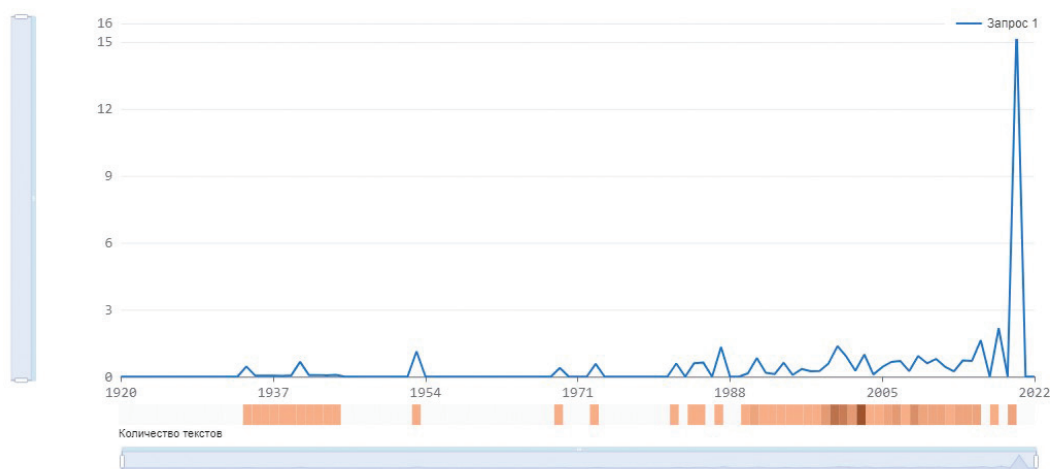

Рис. Распределение результатов поиска (частота на миллион словоформ) с 1920 г. по 2022 г. в основном корпусе НКРЯ по запросу «самоизоляция» (график построен без сглаживания)¹⁰

Источник: исследование авторов.

Fig. Distribution of search results (frequency per million word forms) from 1920 to 2022 in the main corpus of National Corpus of the Russian Language for the query “self-isolation” (graph built without smoothing)

Source: authors' study.

Соответственно, в нашем случае интерес к объекту СП определяется и тем фактом, что слово *самоизоляция* предполагает добровольность действий индивида, однако его употребление в 2020 г. в словосочетаниях *полная самоизоляция* или *принудительная самоизоляция*, которые использовались в публичном дискурсе на различных уровнях [6], заставляет думать, что это мера не столь самостоятельная, сколько носящая значительную долю принуждения. Все это делает *самоизоляцию* достаточно интересным социальным феноменом для изучения в рамках теории СП.

Из четырех основных подходов (социогенетического, структурного, социодинамического и диалогического), разработанных в рамках теории СП [17], в данном исследовании был использован структурный подход. Согласно этому подходу, СП состоит из ядра и периферической системы [19; 34]. Ядро СП — это стабильная часть, образованная небольшим количеством элементов, коренящихся в культуре. Эта часть выполняет ряд важных функций: 1) придает смысл СП, 2) организует СП, 3) обеспечивает стабильность СП. Основные элементы кристаллизуются в системе ценностей, разделяемой членами группы, и поддерживаются через коллективную память [19]. Периферическая система СП обеспечивает конкретизацию смысла элементов ядра. Ее можно рассматривать как посредника между ядром СП и ситуацией, в которой СП возникает и функционирует. Эта система образована значительным количеством элементов, она характеризуется вариативностью и изменчивостью [19]. Будучи подвижной и гибкой

частью СП, периферическая система СП адаптируется к изменяющемуся контексту, что не ведет к изменению СП в целом.

Таким образом, *целью исследования* был анализ особенностей СП о *самоизоляции* в среде российской студенческой молодежи в разные моменты развития пандемии COVID-19 (первая и вторая волны). Исследование носило поисковый характер, однако мы исходили из общего предположения о том, что обыденное понимание самоизоляции выстраивается вокруг смысловой оппозиции добровольности и принуждения, характерных для нового социального явления — самоизоляции.

Процедура и методы исследования

Представленные в настоящей статье результаты являются частью научно-исследовательского проекта, который выполнялся во время пандемии COVID-19 (2020–2022 гг.) с более сложной методологической стратегией [35; 36]. Исследование проводилось в два временных промежутка, соответствующих двум волнам пандемии COVID-19 в России («первая волна» — с 18 июня 2020 по 10 июля 2020 и «вторая волна» — с 12 октября 2020 г. по 18 ноября 2020 г.).

Участники. Всего в двух волнах исследования приняло участие 292 студента различных российских вузов. Для построения выборки использовалась стратегия так называемой «удобной выборки»: студентам предлагалось принять участие в онлайн исследовании на условии добровольности и конфиденциальности. В дальнейшем из основного анализа были исключены ответы иностранных студентов (что объясняется различиями культур), а также жителей других регионов, чем московский (это объясняется некоторыми флуктуациями в отношении реализации мер полной самоизоляции). В итоговую выборку были включены 275 студентов (9,5 % мужчин) в возрасте от 17 до 27 лет, обучающихся по различным направлениям подготовки (ИТ, психология, филология, социальная коммуникация): 126 человек на первом этапе и 149 — на втором.

Методы исследования. Основным методом исследования явился опрос в варианте анкетирования. В фокусе внимания в настоящей работе будут только результаты, полученные с помощью *методики свободных ассоциаций*. Респондентам предъявлялся стимул *самоизоляция*, предлагалось указать пять слов или выражений, которые сразу приходят в голову, когда они думают о самоизоляции. Каждый ответ предлагалось оценить по шкале от -3 до $+3$. Это идея восходит к идее А.С. де Розы, что позволяет выявить валентность элементов СП [37], другими словами, зафиксировать оценочную коннотацию каждого ответа. Валентность может варьироваться от -3 до $+3$: где $[-3; -1]$ — отрицательная, $[-0,99; +0,99]$ — нейтральная, а $[+1; +3]$ — положительная коннотация каждого элемента СП.

Опросник предъявлялся в онлайн формате с использованием Google Forms. **Анализ гипотетической структуры СП.** Гипотетическая структура СП была выявлена с помощью прототипического анализа [38]. Матрица данных свободных ассоциаций состояла из слов, вызванных не менее чем у 7 % респондентов в выборке. База результатов «первой волны» включала 616 ассоциаций, «второй волны» — 719 ассоциаций. Матрицы данных были проанализированы с помощью программы IRaMuTeQ 0.7 alpha 2 [38].

Прототипический анализ, предложенный П. Вержесом [38], основывается на идее о том, что элементы ядра являются более «выпуклыми» по сравнению с элементами периферии [34; 38]. Операционализация этой идеи предполагает использование двух параметров: частоты ассоциаций (количественный параметр, указывающий на разделенность элементов СП) и ранга появления ассоциации (качественный параметр, своего рода время реакции, время появления ассоциации). Сочетание этих параметров в рамках структурного подхода выступает в качестве показателя центральности элементов, и хотя сам прототипический анализ выступает инструментом, который позволяет говорить о гипотетической структуре СП, решение о структуре СП принимается по результатам дополнительного этапа исследования [34; 38; 39]. Так, для идентификации ядра СП используются специальные методики: методика сомнений, тест независимости от контекста, методика определения центральных элементов, методика умозаключений на основе двусмысленного сценария [24; 38; 39]. В настоящем исследовании рассматривалась только гипотетическая структура СП.

Результаты исследования

В результате предпринятого анализа было выявлено, что **зона ядра** (элементы с высокой частотой и низким рангом появления, потенциальные элементы ядра, т.е. вокруг них потенциально кристаллизуется СП о самоизоляции) образована элементами: *дом*, *скука*, *одиночество* (см. табл.). Элемент *дом* — имеет позитивную коннотацию (2,1), два других элемента имеют негативную валентность (–1,70 и –2,00 соответственно). Частотный показатель этих трех элементов, который варьирует от 23 до 30, скорее говорит в пользу того, что едва ли можно говорить о иерархической структуре СП. Другими словами, представление еще не имеет этой самой структуры [38; 39]. По сути, мы имеем дело с **формированием** СП о самоизоляции (одной из фаз динамики СП).

Контрастирующая зона состоит из элементов с низкой частотой и низким рангом появления. Как подчеркивает Ж.-К. Абрик, в этой части СП: «Есть темы, заявленные немногими людьми (низкая частота), но которые считают их очень важными. Такая конфигурация может

свидетельствовать о существовании подгруппы меньшинства с иным представлением... Но мы также можем найти здесь... дополнение первой периферии» [34. С. 63]. В таком случае стоит обратить особое внимание на смысловые связи, которые могут иметь элементы, располагающиеся в данной зоне гипотетической структуры СП. Как следует из таблицы, данная зона объединяет два элемента с негативной валентностью: *вынужденная мера* (–1,4), *карантин* (–1,2).

Первая периферическая зона гипотетической структуры СП о самоизоляции в среде студенческой молодежи объединяет элементы с высокой частотностью и высоким рангом появления, она является своего рода послесловием по отношению к объекту СП, элементы, представленные здесь, мыслятся во вторую очередь по отношению к объекту СП. В этой зоне находятся элементы с нейтральной и позитивной валентностью: *дистанционная работа/учеба* (0,4), *семья* (1,7), *свободное время* (2,0).

Вторая периферическая зона (сюда попадают элементы с низкой частотой и высоким рангом появления) образована такими составляющими с самой негативной валентностью (от –2,80 до –1,80) и с самой позитивной валентностью (от 2,1 до 2,80): *безопасность, недостаток общения, ограничения, болезнь, саморазвитие, тюрьма, отдых, сон*. Все эти элементы соответствуют индивидуальному опыту и служат для контекстуализации элементов зоны ядра.

При смысловом анализе обращает на себя внимание, что ключевые элементы СП содержательно и по своей коннотации — сплав «плюсов» и «минусов» самоизоляции. При этом «минусы» перевешивают количественно, к тому же это элементы, касающиеся оторванности от привычной повседневности, от привычного ритма жизни (*скука и одиночество*), что имплицитно указывает на безделье, оторванность от социума. Контрастирующие элементы указывают на принудительность самоизоляции, ее исключительно негативный аспект. Первая периферия образована элементами с позитивной коннотацией, это преимущественно «плюсы» от самоизоляции.

Если принимать во внимание содержание первых трех зон гипотетической структуры СП о самоизоляции (зона ядра, зона контрастирующих элементов и зона первой периферии), а также с учетом тезиса, сформулированного Ж.-К.Абриком [34], смысловая нагруженность контрастирующих элементов скорее говорит в пользу того, что здесь имеет место позиция меньшинства. Присутствие элементов с позитивной и негативной коннотацией во второй периферической системе, в которой располагаются элементы, обеспечивающие гибкость СП, гетерогенность и адаптивность, говорит в пользу своего рода оценивания «плюсов» и «минусов» нового социального феномена — самоизоляции.

Гипотетическая структура СП о самоизоляции в среде студенческой молодежи («первая волна» и «вторая волна» пандемии COVID-19 в России) / Hypothetical structure of SR of self-isolation among student youth (“first wave” and “second wave” of the COVID-19 pandemic in Russia)

Волна пандемии / Pandemics wave	Понятие (частота, ранг, валентность) / Concept (frequency, rank, valence)			
	Зона ядра / Core zone	Контрастирующие элементы / Contrasted elements zone	Первая периферическая система / First peripheral zone	Вторая периферическая система / Second peripheral zone
I волна / First wave (16,5; 2;60)*	дом (30; 1,70; 2,10)** скука (28; 2,40; -2,00) одиночество (23; 1,80; -1,70)	вынужденная мера (11; 2,40; -1,40) карантин (9; 2,20; -1,20)	дистанционная работа/учеба (25; 2,80; 0,4) семья (24; 2,90; 1,70) свободное время (18; 2,90; 2,00)	безопасно (16; 3,10; 2,50) недостаток общения (14; 3,20; -2,10) ограничения (13; 2,60; -1,80) болезнь (13; 3,00; -2,80) саморазвитие (12; 3,30; 2,50) тюрьма (10; 2,70; -2,80) отдых (9; 2,80; 2,80) сон (9; 3,70; 2,10)
II волна / Second wave (25,2; 2;56)*	дом (51; 1,70; 1,80)** одиночество (33; 2,30; -1,20)	карантин (14; 1,90; -1,70)	дистанционная работа/учеба (47; 2,90; -0,1) скука (34; 2,90; -1,30)	семья (25; 3,40; 2,0) недостаток общения (13; 3,10; -2,40) свободное время (13; 2,80; 2,50) саморазвитие (12; 2,80; 2,80) тюрьма (10; 2,60; -2,10)

Примечания / Notes. * — в скобках указаны средние значения по частоте встречаемости и рангу появления ассоциации для каждого объекта СП. В соответствии с теорией СП и логикой прототипического анализа показатели по частоте и рангу понятия позволяют различать четыре соответствующие зоны в структуре СП [39]. / * — frequency, average rank of occurrence and average valence for each element are indicated in brackets. In accordance with the Theory of Social Representation and the logic of prototypical analysis, indicators of frequency and rank of a concept allow us to distinguish four corresponding zones in the structure of social representation [39].

** — Валентность — указывает на негативную, нейтральную или позитивную коннотацию элемента СП [37] / ** — Valence is indicates the negative, neutral or positive connotation of an element of social representation [37].

Источник: исследование авторов / **Source:** authors' study

Гипотетическая структура СП о самоизоляции, выявленная во время второй волны пандемии (когда появились новые варианты вируса, наблюдался стремительный рост новых случаев, при отсутствии вакцинирования, — все это делало полную самоизоляцию нужной мерой), такова (см. табл.): зона ядра образована элементами с разной валентностью: *дом* (1,8), *одиночество* (-1,2).

Зона контрастирующих элементов включает один элемент с негативной коннотацией — *карантин* (–1,7). Первая периферическая система включает две составляющих: *дистанционная работа / учеба* (– 0,1) и *скука* (–1,30). Вторая периферическая система образована элементами с полярной коннотацией (самой негативной и самой позитивной): *семья* (2), *недостаток общения* (–2,40), *свободное время* (2,50), *саморазвитие* (2,8), *тюрьма* (–2,10).

Как и в первом случае, сравнение трех зон гипотетической структуры СП о самоизоляции дает основания думать, что зона контрастирующих элементов скорее содержит позицию меньшинства, противостоящую большинству, элемент *карантин* — смыслово не объединяется с элементами первой периферической системы.

Обсуждение результатов

При сравнении гипотетических структур СП о самоизоляции, полученных во время двух волн пандемии, можно отметить несколько интересных моментов. В целом можно говорить об определенном сходстве содержания СП, так как местоположение элементов, которое определяет гипотетическую структуру СП, имеет незначительные модификации. В обоих случаях гипотетическая структура отражает своего рода сплав позитивных и негативных характеристик, ассоциированных с самоизоляцией: подобно тому, как в исследовании К. Эрзлиш, когда речь шла о разных образах болезни (деструктивном — лишение смысла жизни, оторванность от социума, и конструктивном — время для саморазвития, для себя, возможность не участвовать в какой-то неинтересной активности) [15]. Обращает на себя внимание то, что в гипотетической структуре СП, выявленной во время второй волны пандемии, отсутствует указание на вынужденность предпринимаемых мер.

Итак, представляется возможным говорить о таких нюансах: ключевыми элементами остались те же *дом и одиночество*, но в зоне ядра больше нет имплицитного указания на безделье, монотонию, отсутствие интереса к происходящему (*скука*). Этот элемент теперь оказывается вторичным по отношению к объекту СП (первая периферическая система). В то же время элемент *семья* оказывается более второстепенным (перемещается из первой во вторую периферическую систему).

Сравнение частотности элементов в зоне ядра СП о самоизоляции показывает, что во время второй волны пандемии зону ядра отличает наличие иерархии элементов, т.е. имеет место определенная структурированность по сравнению тем, как была организована одноименная зона в СП о самоизоляции, выявленная во время первой волны пандемии. Это заключение основывается на идее К. Фламана и М-Л. Рукета об энтропии, которая является важным индикатором структурированности СП [38; 39]. В случае максимальной энтропии элементы имеют

сходную частоту появления. В случае минимальной энтропии частота одних элементов в значительной степени превышает частоту других, что позволяет строить предположение о структурированности зоны ядра (и самого СП, поскольку именно ядро выполняет организующую, смыслообразующую и стабилизирующие функции) [38; 39]. Как уже говорилось выше, разброс частоты элементов в зоне ядра в гипотетической структуре СП о самоизоляции, выявленный в первую волну пандемии, скорее свидетельствует об отсутствии организованной структуры СП. Зона ядра в гипотетической структуре СП о самоизоляции, выявленная во вторую волну пандемии, имеет иерархию (в пользу этого заключения говорит количественный показатель — частота ассоциаций), где элемент *дом* доминирует по сравнению с элементом *одиночество* (51 и 30).

В работе Ф. Мелу и М. Жильбера [32] использовался сходный методический инструмент для выявления гипотетической структуры СП о самоизоляции среди французских студентов и работающих. При сравнении с нашими результатами можно указать на важное сходство: если в самом начале пандемии COVID-19 для студентов немаловажным элементом СП была *семья* (первая периферическая система), то через год ключевым становится *одиночество*, а элемент *семья* перемещается во вторую периферическую систему. Конечно, стоит помнить, что оба исследования не были лонгитюдными, что не позволяет в подлинном смысле говорить о динамике СП. Примечательно совпадение результатов исследований, выполненных в разных социально-культурных контекстах с использованием продольно-поперечного плана.

Обращает на себя внимание устойчивость элемента *одиночество* в зоне ядра СП. С одной стороны, представители студенческой молодежи являются той самой частью общества, которая в наибольшей степени была вовлечена в «трансформированное» общение еще до пандемии и самоизоляции (для большинства из них общение, опосредствованное техническими средствами, давно банализировалось). С другой стороны, можно полагать, что именно ситуация самоизоляции позволила молодежи остро почувствовать проблемы, ассоциированные с тем, что единственной роскошью является «роскошь человеческого общения» (которое, разумеется, не предполагает технологических посредников), а также проблемы, ассоциированные с важными экзистенциальными вопросами, мимо которых можно пройти мимо в привычной повседневности. Косвенно эти предположения подтверждаются многочисленными исследованиями отношения студентов к дистанционному формату обучения, выполненными во время пандемии в различных странах и университетах мира: среди недостатков «дистанта» большинство студентов наряду с техническими проблемами называют именно отсутствие контакта с преподавателями и «живого» общения [40].

Таким образом, сравнение структуры и содержания СП о самоизоляции в среде студенческой молодежи на разных этапах пандемии позволяет говорить о зарождении представлений о новом социальном явлении, которое понимается скорее как поиск «плюсов» в ситуации вынужденных ограничений.

Заключение

Пандемия COVID-19 практически одновременно привела к резким изменениям во всех сферах общественной жизни, которые, так или иначе, затронули большинство людей в разных странах мира. Это был первый опыт для большей части населения планеты: возникло новое заболевание, быстро распространяясь по странам и континентам, оно превратилось в глобальную угрозу, при этом в первое время человечеству нечего было противопоставить этой угрозе, по аналогии с тем, как это было во времена средневековых пандемий чумы, когда изоляция и бегство оказывались единственными способами защиты. События, связанные с пандемией, повлияли не только на физическое и психическое здоровье населения, но и оставили свой след в обыденной жизни людей, в их восприятии и отношении к происходящему, что не могло не отразиться и не «закрепиться» в языке. Одним из новых социальных явлений пандемийной эпохи стала самоизоляция, и хотя понятие *самоизоляция* употребляется в русском языке как минимум с 30-х гг. XX в., в 2020 г. оно получило новое значение в контексте карантинных ограничений, что сделало его актуальным предметом лингвистических и психологических исследований.

Исследование особенностей социальных представлений о самоизоляции в среде студенческой молодежи в разные моменты развития пандемии COVID-19 позволило зафиксировать их динамику: оппозиция между добровольностью и принуждением была характерна для обыденного понимания самоизоляции в самом начале пандемии («первая волна»), далее ключевыми оказываются психологические переживания, ассоциированные с пандемией и вызванной ею самоизоляцией («вторая волна»). В целом, можно сказать, что в обыденном понимании студенческой молодежи самоизоляция скорее являет собой поиск «плюсов» перед лицом принуждающей реальности, своего рода рационализация.

Ограничения исследования, прежде всего, связаны с использованием «удобной» выборки и ее составом (включает только представителей студенческой молодежи с большим перевесом девушек), а также применением продольно-поперечного, а не лонгитюдного дизайна. В связи с окончанием пандемии эти недостатки уже не представляется возможным исправить, но и в настоящее время исследования «следов» пандемии в обыденных представлениях, речи и языке не теряют своей актуальности.

Библиографический список

1. *Eicher V., Bangerter A.* Social representations of infectious diseases // *The Cambridge Handbook*, G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, & J. Valsiner (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 385–396. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.031>
2. *Николаева В.В.* Личность в условиях хронического соматического заболевания // *Особенности личности при пограничных расстройствах и соматических заболеваниях* / Под ред. Е.Т. Соколовой, В.В. Николаевой. М.: Аргус, 1995. С. 56–81.
3. *Бовина И.Б.* Социальная психология здоровья и болезни. М.: Аспект пресс, 2008.
4. *Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В., Мельникова Д.В., Лаврешкин Н.В., Будыкин С.В.* Тело: с позиции теории социальных представлений // *Психология и право*. 2023. Т. 13. № 1. С. 191–206. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130114>
5. *Урумиду В.Г.* Новые слова в греческом и русском языках в период пандемии COVID-19 // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2023. Т. 14. № 1. С. 123–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-123-134>
6. *Рабиль Т.Б.* «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // *Коммуникативные исследования*. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).759-774](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774)
7. *Tajfel H.* La catégorisation sociale // *Introduction à la psychologie sociale*, S. Moscovici (dir.). Paris: Larousse, 1972. P. 272–302.
8. *Moscovici S.* La psychanalyse: son image et son public. Paris: Presses Universitaires de France, 1976.
9. *Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A.* The new Psychology of Health: Unlocking the social cure. London: Routledge, 2018. <https://doi.org/10.4324/9781315648569>
10. *Haslam S.A., Jetten J., Postmes T., Haslam C.* Social identity, health and well-being: An emerging agenda for applied psychology // *Applied Psychology: An International Review*. 2009. № 58(1). P. 1–23. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2008.00379.x>
11. *Jetten J., Reicher S.D., Haslam S.A., Cruwys T.* Together apart: The psychology of COVID-19. Sage, 2020.
12. *Moscovici S.* The phenomenon of social representations // *Social representations: explorations in social psychology*, G. Duveen (Ed.). N.Y.: New York University Press, 2000. P. 18–77.
13. *Páez D., Pérez J.A.* Social representations of COVID-19 (Representaciones sociales del COVID-19) // *International Journal of Social Psychology*. 2020. № 35(3). P. 600–610. <https://doi.org/10.1080/02134748.2020.1783852>
14. *Eicher V., Emery V., Maridor M., Gilles I., Bangerter A.* Social Representations in Psychology: A bibliometrical analysis // *Papers on Social Representations*. 2011. № 20. P. 11.1–11.19.
15. *Herzlich C.* Health and illness: A social psychological analysis. London: Academic Press, 1973.
16. *Jodelet D.* Madness and social representations: Living with the mad in one French community. Berkeley: University of California Press, 1991.
17. *Moliner P., Guimelli C.* Les représentations sociales. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2015. <https://doi.org/10.3917/pug.guime.2015.01>
18. *Empirical approaches to social representations*, G.M. Breakwell, D.V. Canter (eds.). Oxford: Clarendon Press, 1993.
19. *Moliner P., Abric J.C.* Central Core Theory // *The Cambridge Handbook of Social Representations*, G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2015. P. 83–95. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.009>
20. *Moscovici S.* Why a theory of social representations? // *Representations of the social: Bridging theoretical traditions*, K. Deaux, G. Philogène (eds.). Oxford: Blackwell Publishers, 2001. P. 18–61.
21. *Донцов А.И., Зотова О.Ю., Тарасова Л.В.* Социальные представления о коронавирусе в начале пандемии в России // *Вестник Российского университета*

- дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2021. Т. 18. № 2. С. 422–444. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444>
22. De Rosa A.S., Mannarini T. The “Invisible Other”: Social Representations of COVID-19 Pandemic in media and institutional // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. № 2. P. 5.1–5.35.
 23. Fasanelli R., Piscitelli A., Galli I. Social representations of Covid-19 in the framework of risk psychology // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. № 2. P. 8.1–8.36.
 24. Lin Y., Hu Zh., Alias H., Wong L.P. Knowledge, attitudes, impact, and anxiety regarding COVID-19 infection among the public in China // Frontiers in Public Health. 2020. № 2. Article 236. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00236>
 25. Martín-Aragón-Gelabert M., Terol-Cantero M.-C. Post-COVID-19 psychosocial intervention in healthcare professionals (Intervención psicossocial postCOVID-19 en personal sanitario) // International Journal of Social Psychology. 2020. Vol. 35. № 3. P. 664–669. <https://doi.org/10.1080/02134748.2020.1783854>
 26. Nerlich B., Jaspal R. Social representations of ‘social distancing’ in response to COVID-19 in the UK media // Current Sociology. 2021. Vol. 69. № 4. P. 566–583. <https://doi.org/10.1177/0011392121990030>
 27. Pizarro J., Cakal H., Méndez L. et al. Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia // Papers on Social Representations. 2020. Vol. 29. № 2. P. 2.1–2.38.
 28. Rateau P., Tavani, J.-L., Delouvée S. Social representations of the coronavirus and causal perception of its origin: The role of reasons for fear // Health. 2021. № 22. P. 1–20. <https://doi.org/10.1177/13634593211005172>
 29. Rosati G., Domenech L., Chazarreta A., Maguire T. Capturing and analyzing social representations. A first application of Natural Language Processing techniques to reader’s comments in COVID-19 news // Proceedings of VI Simposio Argentino de Ciencia de Datos y GRANdes DATos (AGRANDA 2020) — JAIIO 49 (Modalidad virtual). Argentina: SocArXhivePapers, 2020. P. 11–19. <https://doi.org/10.31235/osf.io/3pcdu>
 30. Souza L.G.S., O’Dwyer E., Coutinho S.M. dos S., Chaudhuri S., Rocha L.L., Souza, L.P. de. Social representations and ideology: Theories of common sense about COVID-19 among middle-class Brazilians and their ideological implications // Journal of Social and Political Psychology. 2021. Vol. 9. № 1. P. 105–22. <https://doi.org/10.5964/j spp.6069>
 31. Bertrand V. Représentations sociales du confinement de mars 2020 lors de la pandémie liée à la COVID-19 chez une population d’étudiants et d’enseignants. Étude exploratoire comparative // Revue CONFLUENCE: Sciences & Humanités. 2022. № 1. P. 109–125.
 32. Melou F., Gilbert M. Confinement: construction d’une nouvelle représentation sociale chez les étudiants et les salariés // Psychologie Française. 2022. Vol. 67. № 4. P. 357–386. <https://doi.org/10.1016/j.psfr.2022.09.002>
 33. Moliner P. Une approche chronologique des représentations sociales // La dynamique des représentations sociales, P. Moliner (Dir). Grenoble: Presses universitaires de Grenoble, 2001. P. 244–268.
 34. Abric J.-C. La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales // Méthodes d’étude des représentations sociales, J.-C.Abric (Ed.). Ramonville Saint-Agne: Erès, 2003. P. 59–80. <https://doi.org/10.3917/puf.jodel.2003.01.0203>
 35. Бовина И.Б., Сачкова М.Е., Дворянчиков Н.В., Новикова И.А., Березина Е.Б., Новиков А.Л. Как COVID-19 понимается в среде студенческой молодежи: поисковое исследование // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14. № 2. С. 85–102. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140206>
 36. Novikova I.A., Berezina E.B., Sachkova M.E., Dvoryanchikov N.V., Novikov A.L., Bovina I.B. To be scared or not to be scared: Social representations of COVID-19 in young people (A cross-cultural study) // Social Sciences. 2024. № 13. Article 62. <https://doi.org/10.3390/socsci13010062>

37. Galand C., Salès-Wuillemin E. La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: Effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage // *Les cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*. 2009. № 84. P. 125–152. <https://doi.org/10.3917/cips.084.0125>
38. Moliner P., Lo Monaco G. *Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble, 2017.
39. Flament C. Rouquette M.-L. *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin, 2003.
40. Бычкова П.А. Российские и зарубежные исследования отношения студентов к цифровым образовательным технологиям до и в период пандемии COVID-19 // *Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2023. Т. 33. № 2. С. 184–192. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2023-33-2-184-192>

References

1. Eicher, V. & Bangerter, A. (2015). Social representations of infectious diseases. In: G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). *The Cambridge Handbook of social representations*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 385–396. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.031>
2. Nikolaeva, V.V. (1995). Personality in the situation of chronic somatic illness. In: E.T. Sokolova & V.V. Nikolaeva (eds.). *Particularities of personality in case of mental and somatic illnesses*. Moscow: Argus. pp. 56–81. (In Russ.).
3. Bovina, I.B. (2008). *Social psychology of health and illness*. Moscow: Aspect Press. (In Russ.).
4. Bovina, I.B., Dvoryanchikov, N.V., Melnikova, D.V., Lavreshkin, N.V. & Budykin, S.V. (2023). Body: Social-Representational Regard. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 13(1), 191–206. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130114> (In Russ.).
5. Ouroumidou, V.G. (2023). New words in Greek and Russian during the COVID-19 pandemic. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 14(1), 123–134. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2023-14-1-123-134> (In Russ.).
6. Radbil, T.B. (2020). “Samoizolyatsiya” (“self-isolation”) as the newest Russian cultural concept: Cognitive-discursive aspect. *Communication Studies (Russia)*, 7(4), 759–774. [https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7\(4\).759-774](https://doi.org/10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774) (In Russ.).
7. Tajfel, H. (1972). La catégorisation sociale. In: S. Moscovici (Ed.) *Introduction à la psychologie sociale*. Paris: Larousse. pp. 272–302.
8. Moscovici, S. (1973). Foreword. In: C. Herzlich (Ed.). *Health and Illness. A social psychological analysis*. London: Academic Press. pp. ix—xiv.
9. Haslam, C., Jetten, J., Cruwys, T., Dingle, G. & Haslam, S.A. (2018). *The new Psychology of Health: Unlocking the social cure*. London: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315648569>
10. Haslam, S.A., Jetten, J., Postmes, T. & Haslam, C. (2009). Social identity, health and well-being: An emerging agenda for applied psychology. *Applied Psychology: An International Review*, 58(1), 1–23. <https://doi.org/10.1111/j.1464-0597.2008.00379.x>
11. Jetten, J., Reicher, S.D., Haslam, S.A. & Cruwys, T. (2020). *Together apart: The psychology of COVID-19*. Sage.
12. Moscovici, S. (2000). The phenomenon of social representations. In: G. Duveen (Ed.). *Social representations: explorations in social psychology*. N.Y.: New York University Press. pp. 18–77.
13. Páez, D. & Pérez, J.A. (2020). Social representations of COVID-19 (Representaciones sociales del COVID-19). *International Journal of Social Psychology*, 35(3), 600–610. <https://doi.org/10.1080/02134748.2020.1783852>
14. Eicher, V., Emery, V., Maridor, M., Gilles, I. & Bangerter, A. (2011). Social Representations in Psychology: A bibliometrical analysis. *Papers on Social Representations*, 20, 11.1–11.19.
15. Herzlich, C. (1973). *Health and illness: A social psychological analysis*. London: Academic Press.
16. Jodelet, D. (1991). *Madness and social representations: Living with the mad in one French community*. Berkeley: University of California Press.

17. Moliner, P. & Guimelli, C. (2015). *Les représentations sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble. <https://doi.org/10.3917/pug.guime.2015.01>
18. Breakwell, G.M. & Canter, D.V. (eds.). (1993). *Empirical approaches to social representations*. Oxford: Clarendon Press.
19. Moliner, P. & Abric, J.C. (2015). Central Core Theory. In: G. Sammut, E. Andreouli, G. Gaskell, J. Valsiner (Eds.). *The Cambridge Handbook of social representations*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 385–396. <https://doi.org/10.1017/CBO9781107323650.009>
20. Moscovici, S. (2001). Why a theory of social representations? In: K. Deaux & G. Philogène (Eds.). *Representations of the social: Bridging theoretical traditions*. Oxford: Blackwell Publishers. pp. 18–61.
21. Dontsov, A.I., Zotova, O.Yu. & Tarasova, L.V. (2021). Social representations of COVID-19 at the beginning of the pandemic in Russia. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 18(2), 422–444. <https://doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-2-422-444> (In Russ.).
22. De Rosa, A.S. & Mannarini, T. (2020). The “Invisible Other”: Social Representations of COVID-19 Pandemic in Media and Institutional. *Papers on Social Representations*, 29(2), 5.1–5.35.
23. Fasanelli, R., Piscitelli, A. & Galli, I. (2020). Social representations of Covid-19 in the framework of risk psychology. *Papers on Social Representations*, 29(2), 8.1–8.36
24. Lin, Y., Hu, Zh., Alias, H. & Wong, L.P. (2020). Knowledge, attitudes, impact, and anxiety regarding COVID-19 infection among the public in China. *Frontiers in Public Health*, 8, Article 236. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2020.00236>
25. Martín-Aragón-Gelabert, M. & Terol-Cantero, M.-C. (2020). Post-COVID-19 psychosocial intervention in healthcare professionals (Intervención psicosocial postCOVID-19 en personal sanitario). *International Journal of Social Psychology*, 35(3), 664–669. <https://doi.org/10.1080/002134748.2020.1783854>
26. Nerlich, B. & Jaspal, R. (2021). Social representations of ‘social distancing’ in response to COVID-19 in the UK media. *Current Sociology*, 69(4), 566–583. <https://doi.org/10.1177/0011392121990030>
27. Pizarro, J., Cakal, H., Méndez, L., Da Costa, S., Zumeta, L.N., Gracia-Leiva, M., Basabe, N., Navarro-Carrillo, G., Cazan, A.-M., Keshavarzi, S., López-López, W., Yahiaiev, I., Alzugaray-Ponce, C., Villagrán, L., Moyano-Díaz, E., Petrović, N., Mathias, A., Techio, E.M., Wlodarczyk, A., ... & Cavalli, S. (2020). Tell me what you are like and I will tell you what you believe in: Social representations of COVID-19 in the Americas, Europe and Asia. *Papers on Social Representations*, 29(2), 2.1–2.38.
28. Rateau, P., Tavani, J.-L. & Delouvé, S. (2021). Social representations of the coronavirus and causal perception of its origin: The role of reasons for fear. *Health*, 22, 1–20. <https://doi.org/10.1177/13634593211005172>
29. Rosati, G., Domenech, L., Chazarreta, A. & Maguire, T. (2020). Capturing and analyzing social representations. A first application of Natural Language Processing techniques to reader’s comments in COVID-19 news. In: *Proceedings of VI Simposio Argentino de Ciencia de Datos y GRANdes DATos (AGRANDA 2020) — JAIIO 49 (Modalidad virtual)*. Argentina: SocArXhivePapers. pp. 11–19. <https://doi.org/10.31235/osf.io/3pced>
30. Souza, L.G.S., O’Dwyer, E., Coutinho, S.M. dos S., Chaudhuri, S., Rocha, L.L. & Souza, L.P. de. (2021). Social representations and ideology: Theories of common sense about COVID-19 among middle-class Brazilians and their ideological implications. *Journal of Social and Political Psychology*, 9(1), 105–122. <https://doi.org/10.5964/jsp.6069>
31. Bertrand, V. (2022). Représentations sociales du confinement de mars 2020 lors de la pandémie liée à la COVID-19 chez une population d’étudiants et d’enseignants. Étude exploratoire comparative. *Revue CONFLUENCE: Sciences & Humanités*, 1, 109–125.
32. Melou, F. & Gilbert, M. (2022). Confinement: construction d’une nouvelle représentation sociale chez les étudiants et les salariés. *Psychologie Française*, 67(4), 357–386. <https://doi.org/10.1016/j.psfr.2022.09.002>

33. Moliner, P. (2001). Une approche chronologique des représentations sociales. In: P. Moliner (Ed.). *La dynamique des représentations sociales*. Grenoble: Presses universitaires de Grenoble. pp. 244–268.
34. Abric, J.-C. (2003). La recherche du noyau central et de la zone muette des représentations sociales. In: J.-C. Abric (Ed.). *Méthodes d'étude des représentations sociales*. Ramonville Saint-Agne: Erès. pp. 59–80. <https://doi.org/10.3917/puf.jodel.2003.01.0203>
35. Bovina, I.B., Sachkova, M.E., Dvoryanchikov, N.V., Novikova, I.A., Berezina, E.B. & Novikov, A.L. (2023). COVID-19 seen by students: An exploratory study. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 14(2), 85–102. <https://doi.org/10.17759/sps.2023140206> (In Russ.).
36. Novikova, I.A., Berezina, E.B., Sachkova, M.E., Dvoryanchikov, N.V., Novikov, A.L. & Bovina, I.B. (2024). To be scared or not to be scared: Social representations of COVID-19 in young people (A cross-cultural study). *Social Sciences*, 13, Article 62. <https://doi.org/10.3390/socsci13010062>
37. Galand, C. & Salès-Wuillemin, E. (2009). La représentation des drogues chez les étudiants en psychologie: effets des pratiques de consommation et influence de l'entourage. *Les cahiers Internationaux de Psychologie Sociale*, 84, 125–152. <https://doi.org/10.3917/cips.084.0125>
38. Moliner, P. & Lo Monaco, G. (2017). *Méthodes d'association verbale pour les sciences humaines et sociales*. Grenoble: Presses Universitaires de Grenoble.
39. Flament, C. & Rouquette, M.-L. (2003). *Anatomie des idées ordinaires*. Paris: Armand Colin.
40. Bychkova, P.A. (2023). Russian and international studies on students' attitudes to digital educational technologies before and during the COVID-19 pandemic. *Vestnik Udmurtskogo Universiteta. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 33(2), 184–192. <https://doi.org/10.35634/2412-9550-2023-33-2-184-192> (In Russ.).

Сведения об авторах:

Новикова Ирина Александровна, кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и педагогики филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: социальная психология, психология личности, кросс-культурная психология, психология цифровизации; *e-mail*: novikova-ia@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-5831-1547; SPIN-код: 7717-2834; Scopus ID: 35766733000; Researcher ID: Q-5276-2016.

Новиков Алексей Львович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания филологического факультета, Российский университет дружбы народов (117198, Российская Федерация, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6); *сфера научных интересов*: психолингвистика, семантика, семиотика, теория социальных представлений; *e-mail*: novikov-al@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-3482-5070; SPIN-код: 3416-1350; Scopus ID: 56005222400; Researcher ID: Q-5419-2016.

Сачкова Марианна Евгеньевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры общей психологии факультета психологии, Институт общественных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы добавит при Президенте РФ (119571, Российская Федерация, г. Москва, проспект Вернадского, 82, стр. 1), *сфера научных интересов*: социальные представления, психология малых групп, власть и лидерство, статусные отношения; *e-mail*: msachkova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2982-8410; SPIN-код: 3217-0087; Researcher ID: J-9145-2013; Scopus ID: 14623093600.

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, доцент, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (127051, Российская Федерация, г. Москва, ул. Сретенка, 29); *сфера научных интересов*: клиническая психология, гендерная психология, девиантное поведение, агрессивное поведение; *e-mail*: dvorian@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1462-5469; SPIN-код: 6908-0030; Researcher ID: D-1683-2009; Scopus ID: 56275479900.

Березина Елизавета Борисовна, кандидат психологических наук, преподаватель департамента психологии, Университет Санвея (5, Jalan Universiti, Bandar SunwaySelangor Darul Ehsan, Malaysia, 47500); *сфера научных интересов*: социальная психология, психология здоровья, прикладная психология, методы исследования в психологии; *e-mail*: elizab@sunway.edu.my
ORCID: 0000-0003-1972-8133; SPIN-код: 8996-3250; Researcher ID: Q-6331-2017; Scopus ID: 56275370100.

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры клинической и судебной психологии, факультет юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (127051, Российская Федерация, г. Москва, ул. Сретенка, 29); *сфера научных интересов*: теория социальных представлений, психология здоровья, стигматизация, социальное влияние; *e-mail*: innabovina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9497-6199; SPIN-код: 9663-3747; Researcher ID: H-4433-2013; Scopus ID: 8569930800.

Information about the authors:

Irina A. Novikova, Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Associate Professor at Psychology and Pedagogy Department, Philological Faculty, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198). *Research interests*: social psychology, personality psychology, cross-cultural psychology, psychology of digitalization; *e-mail*: novikova-ia@rudn.ru
ORCID: 0000-0001-5831-1547; SPIN-code: 7717-2834; Scopus ID: 35766733000; Researcher ID: Q-5276-2016.

Alexey L. Novikov, Ph.D. in Philology, Associate Professor, Associate Professor at the General and Russian Linguistics Department, Philological Faculty, RUDN University (6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russian Federation, 117198); *Research interests*: psycholinguistics, semantics, semiotics, theory of social representations; *e-mail*: novikov-al@rudn.ru
ORCID: 0000-0003-3482-5070; SPIN-code: 3416-1350; Scopus ID: 56005222400; Researcher ID: Q-5419-2016.

Marianna E. Sachkova, Dr.Sc. in Psychology, Professor, Professor of the Department of General Psychology, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, bldg.1, Vernadsky Ave., Moscow, Russian Federation, 119571); *Research interests*: social representations, psychology of small groups, power and leadership, status relationships; *e-mail*: msachkova@mail.ru
ORCID: 0000-0003-2982-8410; Researcher ID: J-9145-2013; SPIN-code: 3217-0087; Scopus ID: 14623093600.

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Associate Professor, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, (29, Sretenka st., Moscow, Russian Federation, 127051), *Research interests*: clinical psychology, gender psychology, deviant behavior, aggressive behavior; *e-mail*: dvorian@gmail.com
ORCID: 0000-0003-1462-5469; SPIN-code: 6908-0030; Researcher ID: D-1683-2009; Scopus ID: 56275479900.

Elizaveta B. Berezina, PhD in Psychology, Senior Lecturer of Department of Psychology, Sunway University (5, Jalan Universiti, Bandar Sunway Selangor Darul Ehsan, Malaysia, 47500); *Research interests*: social psychology, health psychology, applied psychology, research methods in psychology; *e-mail*: elizab@sunway.edu.my
ORCID: 0000-0003-1972-8133; SPIN-code: 8996-3250; Researcher ID: Q-6331-2017; Scopus ID: 56275370100.

Inna B. Bovina, Dr.Sc. in Psychology, is Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Law of the Legal Psychology Faculty, Moscow State University of Psychology & Education (29, Sretenka st., Moscow, Russian Federation, 127051); *Research interests*: Theory of Social Representations, health psychology, stigmatization, social influence; *e-mail*: innabovina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-9497-6199; SPIN-code: 9663-3747; Researcher ID: H-4433-2013; Scopus ID: 8569930800.